

МИХАИЛ ОСТРОУХОВ

Посёлок (барамберус рокакану)

Михаил Остроухов
Посёлок (барамберус рокакану)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34395522

ISBN 9785449098863

Аннотация

Странный посёлок затерянный среди снегов. Жизнь ужасно скучная или... страшно интересная? У кого как. Главная героиня старушка – деревенский детектив.

Содержание

Посёлок зимой	5
Собаководки	16
Научные мыши	22
Черный Великан	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Посёлок (барамберус рокакану)

Михаил Остроухов

© Михаил Остроухов, 2018

ISBN 978-5-4490-9886-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посёлок зимой

Вот вы говорите, что я дурра, ну и пусть: мне главное: Ленку найти! Где? Это вопрос. На поселке у нас все на виду: в толпе не затеряться. Муж Ленки – Жорик: сначала, конечно, её искал, но потом руки опустил: лег на диван и не встает, в милиции: дело завели и положили его в долгий ящик, а я считаю: рано успокоились! Не может быть, чтобы человек бесследно исчез.

Врагов у Ленки не было, одна баба Вера (мать Жорика) Ленку недолюбливала, в ее словах неподдельная радость звучит: «Пропала, ну и ладно, одним ртом меньше», но свекровь с невесткой часто не ладят, надо еще доказать, что Верка преступница.

Поэтому версию похищения я не рассматриваю. Но тогда что с ней случилось? Загадка. Куда Ленка делась, ума не приложу? Полный тупик, но сдаваться нельзя. Надо в лепешку разбиться, а Ленку найти, грош нам цена, если мы отступим.

Так, примерно, я в тот день рассуждала. А если решение принято, значит, надо действовать. Вынула из ящика красную повязку с буквами ДНД, и себе на руку повязала. Что такое ДНД? Это Добровольная Народная Дружина. А если проще: ДНД – это порядок. Власть-то, конечно, за порядком следит, но настоящий порядок только ДНД поддержи-

вает. Когда власть спит, ДНД не дремлет. У ДНД всюду глаза и уши. А отсюда и уважение от людей. Поэтому многие в ДНД хотят записаться. Но повязки только две. Одна для меня, а вторая у Чувилки – подружки моей.

Вышла я на улицу, свежим воздухом дышу. У нас такая тишина, что слышно, как на другом конце поселка дед Михей своим протезом скрипит: у него одной ноги нет. Куда, интересно, намылился? В карты, наверно, играть с Лихоманкой-хулиганкой и Бедой-сволотой. Кто проиграет, идет на разбой.

Дед Михей у нас еще тем прославился, что однажды на День Победы весь в орденах и медалях в клубе появился.

Я ему говорю:

– Дед, ты же не воевал!

Чувилка:

– И то верно: мал еще был.

А Михей отвечает:

– Это моего отца ордена и медали: я в Верховный Совет написал, чтобы приняли закон, разрешающий детям носить награды родителей.

– И приняли?

– Пока нет. Но должны: зачем награды без дела лежат?!

А еще слышно, как поросенок Чувилки хрюкает. Он у неё свободно из закутка выходит. Сколько раз было: в гостях у Чувилки сидишь, и вдруг в окне свиная рожа покажется.

Волосы на голове дыбом. Сгинь, сгинь, нечистая! А это Борька на задние ноги встал и в комнату через стекло заглядывает.

Вообще Чувилка к Борьке как к человеку относится. Прошлым летом его в клуб привела и в подсобке спрятала, чтобы он песни нашей самодеятельности послушал, да его нашли — такой скандал был, и впрямь: если каждый в клуб своего поросенка приведет — свиарник получится, но у Чувилки случай особый — не однозначный.

На поселке у нас снеговиков много: так и кажется, что за тобой по пятам невысокие люди ходят.

Днем-то еще ничего, а ночью страшно. Как-то раз иду, слышу сзади: хр, хр — догоняет. А темно: не видно кто: поэтому я на всякий случай на дерево залезла. Правду говорят: у страха глаза велики. Только когда подо мной холодом повеяло, догадалась, что это снеговик. Под деревом остановился истукан снежный. Принесла его нелёгкая. Ой, бабоньки, падаю. Нет, держусь!

Вдруг слышу скрип. Пошёл снеговик своей дорогой, льдинка о льдинку у него в башке звякнула: мысль родилась. Ну, иди, иди, дурак ледяной, не мешай честным людям по ночам гулять.

Значит, иду я по посёлку, а навстречу Чувилка. У неё на лице бородавки. Да много. Словно её лицо мёдом помаза-

ли и ткнули в горох. Отчаянная бабка, а посмотришь на неё: откуда сила берётся, ростом не велика.

Пашка Сазонов, когда разойдётся, совсем дурак делается. Одну только Чувилку боится. Она ему промеж глаз однажды бидоном врезала, с тех пор Пашка при ней сразу успокаивается.

Вот, значит, навстречу Чувилка.

– Привет, подруга, — говорю.

– Привет. Куда идешь?

– Ленку искать.

– Эк, хватилась, она, небось, в город подалась.

– До города не добраться, все дороги замело?

– Это верно. А где ж ее искать?

– Михея надо расспросить, может быть, он что знает.

Пошли мы с Чувилкой вместе. Идём, на посёлок любимемся. Снега в этом году навалило по самые окошки. В наших краях зимы длинные. Морозы злыдни. Это старцы такие. Из леса выходят: взлохмаченные, седые, рубашки до колен, а руки и ноги синие. Кого заприметят в поле, сразу набросятся, загрызут. Дед мой – покойник сказывал, сам видел, как один Мороз русака душил.

Вот значит, идём мы с Чувилкой по посёлку. Мимо школы, мимо колонки сломанной. Идём, а вот и дед Михей. Култых, култых. На ловца и зверь бежит. Михей на меня взгля-

нул исподлобья и в сторону отвернул: смотрю: быстрее заковылял.

У нас на посёлке бугры. Пока спустишься, поднимешься, семь потов сойдёт. Да ребята горок ледяных понаделали. Дед Михей сел на лед и поехал, култышкой своей правит. Что делать? Мы за ним паровозиком. Чего от нас бежит? Странно всё это.

Насилу догнали Михея, я его хвать за руку, спрашиваю:

– Чего бежишь?

– Сие тайна.

Стоит, важничает.

– Мы поможем открыть.

Михей нахмурился:

– Сам открою: хочу знаменитым быть.

– Все равно от тебя не отстанем.

– Да, я только на подступах, — дед себе под ноги устави-

лся.

– Говори, что знаешь.

– Сама ищай, — дед вырвался и бежать.

Бросились мы за ним, да его и след простыл. Раз, два: он и за бугром.

Идем мы с Чувилкой дальше: небо голубое, ветер у себя дома дверь на щеколду и спит. У нас на посёлке много спят. Лето, осень, зима, весна – без разницы. Лягут осенью, встанут весной. Лягут весной, встанут осенью. Раз Чувилка

три дня проспала, пока Борька пятак шершавым ей в щёку не ткнул. Проснулась лягушка пупырчатая, как спящая царевна от поцелуя. Только вместо принца – хряк: вот умора!

Искали мы деда Михея, искали, но так и не нашли. Осторожный черт! Что-то знает, а не говорит. Ну, ничего, сами докопаемся.

Уже стемнело, идем. Света нигде нет, а вокруг жизнь кипит, хотя и ничего не видно. Там калитка скрипнет, там ставень гроыхнет, ветка о стекло поскребется, словно это сам поселок зевает, да почесывается.

Я Чувилке говорю: — Пошли ко мне, переночуем, а завтра с утра пораньше, снова искать будем.

– Правильно, — она отвечает.

– А то: пока за тобой зайду – время только уйдет.

– И то верно, — Чувилка соглашается.

Постелила я Чувилке на кухне, а себе три стула поставила, легла на них – телогрейкой укрылась, мне по моему росту и так большое спасибо. Полежала, полежала я и заснула: и снится мне Ленка: курносая, с маленькой родинкой у левого глаза.

– Ну, здравствуй, Лена, — я ей говорю.

– Это ты здравствуй, бабушка.

– А тебе что же здоровье ни к чему?

– Я по хрустальному мосточку пройду, резным ковшиком водицы зачерпну, ног не замочу.

– Расскажи лучше: куда ты делаешь?

– У дороги цветок,
Золотой лепесток
В мотылька влюбился,
В лучик превратился.

– Не понимаю, ты где?

– В голубом краю,

В голубой дали,

Ой, люлю, люлю,

Ай, люли, люли.

– Как же ты там живёшь?

– Живу я хорошо, все у меня есть. И потэблы, и ренаканы.

– Что ж это такое?

– Когда-нибудь узнаете. Я золотое яблочко возьму по серебряному блюдечку покачу – и наемся.

– О Жорике-то помнишь?

– О каком Жорике?

Тут и ежу ясно, что это не Ленка, а кто – трудно сказать!
И главное непонятно зачем они своими прикидываются!?

Проснулась я утром. По дому засуетилась. Чувилка носом рулады выводит. Словно птица уселась ей на лицо и песни распевает. Так и хочется рукой махнуть эту птицу согнать – уж очень ее пенье на нервы действует.

– Эй, Чувилка, — бужу, — хватит дрыхнуть, уже день, вставай.

Та проснулась, глаза трёт. Я на стол яичницу ставлю. Чай-

ник уже кипит.

Вот мы с дедом моим покойником любили чайком побаваться! Бывало, как сядем с утра, и кто кого перепьёт. Он стакан, я стакан, он стакан, я стакан. Деду моему совсем плохо, он и говорит:

– Смотри, у тебя уже вода из ушей льётся.

Я как прысну!

Значит, сидим мы с Чувилкой, чай пьём.

– Ну, — Чувилка говорит, — что делать будем?

– Жорика надо прощупать, — я отвечаю, — от Михея ничего не добились, теперь только на Жорика надежда.

Вышли мы с Евдокией Ивановной, то бишь с Чувилкой, на улицу и к бабе Вере двинулись: Жорика допросить. Подходим к дому бабы Веры: в окне у нее что-то блестит. Наверно, баба Вера свои богатства перебирает: бусы отдельно, серьги отдельно, а перстни нанижет на пальцы и рукой на свету любуется: вот они и сверкают.

В дверь бабы Веры стучим. Верка открывает: лицо у нее красивое, но хохотальник себе разъела будь здоров!

– Привет, подруга, — говорю, — нового ничего не слыхать?

– А что нового?

– Я всё про Ленку думаю, может, её обманом увели?

– Кто?

– Какой-нибудь чужой человек.

– Какой ещё чужой человек? У нас на посёлке все свои.

– А может он своим прикинулся?

– Прекрати, подруга. Вечно слухи распускаешь. Кто-нибудь глупость сморозит: а ты на подхвате.

– Какую глупость?

– Пашка Сазонов брякнул, что я бабка богатая, а ты об этом больше всех звонишь?

– Так это правда!

– Брехло. Какая я богатая, так... концы с концами свожу.

– Ладно, подруга, не будем ссориться.

– Зачем пришла-то?

– Я с сыном твоим хотела поговорить.

Верка брови нахмурила: стоит на пороге: руки в бока уперла: такую не обойдешь, тогда я предплечье, на котором повязка ДНД вперед выставила. У бабы Веры сразу глаза забегали, на Чувилку покосилась, еще сильнее нахмурилась, но пропустила нас.

Мы с Чувилкой прямо к Жорику. В комнате кровать, стол, на столе клетка, в ней белка живет, баба Вера рассказывала, что Ленка её из леса принесла. Баба Вера уверяет, что белка, по ночам из клетки выбирается: крупу и семечки ворует, которую Верка про запас хранит. Всю ночь баба Вера белку караулит, да под утро заснет – не уследит.

Давно бы баба Вера от белки избавилась, да Жорик не даёт. Телепень, а тут уперся, говорит:

– Мне белка как память о Ленке дорога.

Когда мы зашли, Жорик на кровати лежал, руки под головой – глаза в потолок. Короче: полная отрешенность! Другими словами, состояние: ни жив ни мертв.

– Как дела, Жорик? – спрашиваю.

Жорик на меня удивленно смотрит.

– Ну, Жора, как живёшь? – я снова его спрашиваю.

– Ничего, – мычит.

– Расскажи нам про Ленку.

– Зачем?

Я ему руку с повязкой, где белым по красному написано ДНД показываю.

Он долго на нее смотрел, но потом говорит:

– Она фантастическая девушка!

– Ты нам факты давай, – я глаза сузила.

– У нее голос хороший!

– Это я знаю.

– Еще она стихи сочиняла: «Та-та-та-та-та посёлок, та-та-та-та-та весёлый».

– Так что же произошло?

Жорик плечами пожал.

– Вспомни, что было в тот вечер, когда она пропала.

– Как обычно собралась и ушла.

– Куда?

– Гулять.

– Знаю, баба Вера рассказывала, каждый вечер вокруг дома ходит-ходит.

– Ну, да.

– А ты почему с ней не гулял?

Жорик промолчал.

– Хорошо, дальше рассказывай.

– Что рассказывать? Всегда возвращалась, а в это день не вернулась.

Жорик вздохнул и голову подушкой накрыл.

– Жорик, — я его за плечо тербрю, — что ты можешь еще сообщить следствию?

Но тот молчит, как партизан.

Вышли мы с Чувилкой.

– Что ж, — я вздыхаю, — ничего нового мы не узнали, но отсутствие результата – тоже результат. Надо за Веркиным домом следить. Давай засаду устроим.

Собаководки

Вечером идем мы с Чувилкой. Темно, хоть глаза выколи. Вдруг навстречу нам человек сто, судя по тому, как снег скрипит. И хоть бы кто слово сказал. Все ближе, ближе. Если б не Евдокия Ивановна, я б, наверно, через забор сиганула. Чувилка удержала. Стою, как вкопанная. Всё, думаю, приплыли. Но эти мимо прошли, ни кашлянут, ни сморкнуться, только дыхание слышно, мужики бы шли – слов не жалели, у нас на посёлке балаболов пруд пруди, а уж о бабах говорить нечего, все балаболки. Кто это был, ума не приложу? Так: темная сила какая-то!

Подошли мы к дому Верки. Спрятались за сараем. Чувилка пританцовывает.

– Зябко, — я тоже поежилась, — Чувилка, ты довольна, как жизнь прожила?

– Я еще помирать не собираюсь.

– Я так спрашиваю, для разговора.

– Довольна.

– И я довольна: главное, при нас с тобой порядок был.

– Поживем еще!

– Тихо, — я чьи-то шаги слышала.

В темноту вглядываюсь:

– Ох, пронеси Матушка

– Земля Родительница, — шепчу, —

В жару и холод спасительница,
Сделай детьми —
Малыми зверями,
Укрой в норку —
Да насыпь горку.

Вдруг слышу скрип: фу, от сердца отлегло — это же Михей: его култышка выдала. В двух шагах от нас остановился. Минута прошла, другая: скрип удаляться стал. Что ж это получается? Под окном у бабы Веры постоял и дальше пошел? Хотя ничего удивительного в этом нет. Дед Михей давно о Верке вздыхает.

Как-то в клубе гляжу: он за кулисой стоит.

— Михей, — говорю ему, — от кого прячешься?

Он молчит.

— Ей, Михей, оглох что ли?

Опять ни звука.

Тогда я взяла и ему на ногу наступила, он зачертыхался: култышкой застучал. Баба Вера мимо проходила: чуть со смеху не покатила. Дед Михей покраснел как помидор и на меня как на врага смотрит. Тут до меня дошло: он за Веркой подглядывал. Вот оно что! Михей: жертва безумной страсти. С одной ногой, а вперёд молодых бежит. Ну, а мне-то чего? Дело хорошее: любовь. Только, как посмотришь на Михея: смех берёт: Ромео одноногий.

Значит, стоим мы с Чувилкой за сараем, время идёт. Мороз-лиходей нас приметил. Старец синеногий: тыща лет ему

от роду, костяшки – лёд. Сперва мне за платок пальцы трясущиеся сунул: бородой-колючкой по щеке провёл. Потом и до Евдокии Ивановны добрался: под мышками стал щеко-тать. Мы от него в сторону, а он за нами: пришлось из-за са-рая выйти.

– Что будем делать? – Чувилка меня спрашивает.

– Зубы морозу заговаривать.

– Как это?

– Ой, мороз-мороз —

Синий перст, сизый нос.

Как пошел Микитка за дровами —

Увидел синее пламя,

Взял его в руки – не жжется, а греет,

За пазуху положил – щекотит – стало теплее.

– И впрямь потеплело, — Чувилка говорит.

– Ой, мороз-мороз, багровая выя —

Зубы кривые.

Ехал Ванька в таратайке,

Обгоняет хромый дед.

Бросил таратайку Ванька,

Скок-поскок, а деда нет.

Ванька красный как из баньки,

Но согрелся, дармояд.

Мороз и впрямь заслушался, буркалами своими на меня уставился, стоит как неживой.

Не знаю, как долго бы мы еще зубы морозу заговаривали,

но в этот момент дверь дома открылась, и Верка с порога нам говорит:

– Какие люди, и без охраны!

– Мы... тут... гу... гуляем, — у меня язык заплетается.

– Гуляете? Тогда заходите ко мне, погрейтесь, — баба Вера в гости нас приглашает.

Хотела я отказаться, но про горячий чай подумала, и согласилась.

– У меня не прибрано, — баба Вера тряпкой шкаф в прихожей обмахнула.

Я вокруг посмотрела: все блестит, к чему оправдываться? Хотя понятно: Верка чистюля — свихнуться можно. Для нее уборка – праздник! Правда, досталось ей однажды на орехи. Домового она загоняла: то под шкафом вытрет, то на шкафу, то в шкафу. Домовой терпел, терпел, а потом взял и сбросил бабе Вере на голову цветок в горшке. После этого Верка, прежде чем убираться, голову полотенцем повязывает.

Баба Вера на кухне нам чай налила и говорит:

– Собак бродячих развелось – жуть. И никому дела нет. Безобразие. На днях у меня с кухни кусок мяса украли, и как забрались: ума не приложу. Я в милицию обратилась, да милиционер наш – Андрей Петрович, говорит, кроме меня на собак никто не жалуется, а я что, не голос? Деляга из-под бугра. Я не посмотрела, что милиционер, так отчихвостила... Нет у нас порядка на поселке. Нет.

— Думаешь, собаки во всем виноваты? — я говорю.

— Посмотри, какие у них морды хитрые, — баба Вера отвечает, — Идешь по улице, а они корогодом навстречу и в глаза смотрят. Жорик говорит, я мясо каждый день жарю, они чуют. Неправда. Я на шестидневке. Порядка нет, вот они сукины дети и бесчинствуют. Я знаю: это собаки с волками в стогоре скотину угоняют.

— А что у кого-то угнали? — я удивилась.

— Нет, но могут угнать! — баба Вера поправилась, — а что мне тогда без коровы, кровиночки моей, делать?

— Успокойся ты, Верка.

— Я без коровы по миру пойду! — баба Вера слезу вытирает, —

Ох, коровушка моя,
Марья Маревна,
с тобою баба Вера царевна,
а без тебя баба Вера
лишь королева.

Вот заголосила: ничего еще не случилось, а она воет. Что за человек?! Совсем нас Верка измучила. Совесть нужно иметь. Второй час ночи. А она нам свои бредни рассказывает. Нет, это невыносимо! Какая она все-таки назойливая бабка. Попрощались мы с бабой Верой, и пошли по домам спать. Утро вечера мудренее. Завтра ДНД снова свою нелегкую службу нести: потому что есть на поселке отдельные

личности, которые у меня на подозрении, за ними глаз да глаз нужен. Но будьте спокойны: у ДНД все под контролем!

Научные мыши

На другой день иду: пасмурно, кажется, вот-вот стемнеет. Солнце в небе – пятно. Словно девочка лапушка-малышка не в настроении: прикрыла лицо муслиновым платком, сидит – куксится. Снежок порхает: словно это на небе пьяный Пашка Сазонов отряхивается (пока шёл, извиваясь): вот снег и летит.

Кстати, думаю, дай-ка к Пашке зайду, а то давно у него не была. Пашка Сазонов у меня под надзором, если на поселке где-нибудь скандал, можно не сомневаться, Пашка в нем замешан, потому что бездельник каких мало, целыми днями баклуши бьет. Пробовал делом заняться, да ничего у него не выходит, за ремонт взялся: объявил, что электроутюги, да электробритвы чинить будет, починил: утюг жужжит, а электробритву в руке держать невозможно – горячо.

Жена у него есть Анька, в столовой работает: она его и кормит.

Пришла я к Пашкиному дому: дверь нараспашку: кто ж ее зимой открытой оставляет, я на Чувилку ругаюсь, когда она Борьку ко мне впускает – он поросенок протяженный.

– Эй, — кричу в дверь, — есть кто дома?

Никто не отвечает.

– Эй, — опять кричу.

И снова тишина.

Постояла я на пороге, постояла и вошла: подозрительно ведь, что дверь открыта. Может быть, что случилось? Конечно, заходить без приглашения в чужой дом неприлично, но ДНД – это не булка с маслом, а черствый хлеб, порой приходится приличия нарушать!

В доме чисто. Везде рушники, да салфетки лежат, горшки и другая посуда по полкам расставлены – молодец Анька – чистоплотная баба, только в одном непорядок – мыши на столе!

Что они на нем делают – непонятно?

Хотя вспомнила: Пашка мне про этих мышей рассказывал: они дрессированные: одна мышь черная, а другая белая, одна мышь ночью спит, другая днем – Пашка по ним время определяет: часы в доме есть, но ему не интересно без затей!

Убедилась я, что преступления не было, и собралась уходить, но не успела: слышу шаги: снегом кто-то скрипит: куда деваться? Неудобно, если в доме меня застанут: доказывай потом, что ты не воровка, хотя и воровать-то у Сазоновых особенно нечего, но все равно шмыгнула я на всякий случай за вешалку и в одежде закопалась, польты до пола висят, авось, не найдут.

Слышу, входят (судя по голосам) Пашка и баба Вера: она тут с какого бока!? Опять козни строит!? Хорошо, что я подслушиваю: информация в нашем деле – главное!

Баба Вера говорит:

– С чего ты взял, что я богатая бабка?

– А разве нет? Кулачок-то жим-жим.

– Ну, есть кое-какие сбережения, только богатством это не назовешь!

– Мне б сотую долю от этих сбережений!

– Могу поделиться – но за это ты должен кое-что сделать: обворуй меня.

– Теть Вер, ты в своем уме?

– В своем.

– А что ж предлагаешь!?

– Не кипятись, а выслушай. Обворуй понарошку. Возьми шкатулку с украшениями, ложки серебряные, деньги кое-какие – потом мне вернешь.

– А если меня поймают?

– Не поймают, я на страже постою. Ты главное брось колечко на видном месте, чтоб было понятно – это воровство!

– А тебе это зачем?

– Чтобы настоящий вор не залез, брать-то больше нечего.

– Ну, хитра ты, бабка!

– Только смотри, милдруг, у меня деньги посчитаны, если что...

– Не беспокойся, все будет тип-топ.

– Тогда по рукам?

– А мой какой интерес?

– Получишь червонец.

– По рукам.

– А это у тебя что?

– Мыши.

– Вижу что мыши, что они на столе делают?

– Я по ним время определяю: видишь: белая не спит – значит сейчас день.

– И так ясно – в окошко посмотри.

– Это не по научному.

– Вот дуралей, и с кем я связалась!?

Слышу: ушла баба Вера, Петька один остался: ходит из угла в угол, думаю, сейчас заметит меня, ой, заметит! Сердце моё меня выдаст: оно стук-стук-стук. Так баба Вера ковры выбивает. Иной раз по часу колотит.

На посёлке говорят:

– Пошла мутузить за себя и за дядю Кузю.

Сила в ней нечеловеческая просыпается! Словно пыль для неё первый враг.

Слышу, Петька совсем близко ко мне подошел, сердце у меня замерло, словно баба Вера один ковёр на другой поменяла, и снова стук-стук-стук.

Но тут, о чудо, слышу: Петька вышел из дома. Пронесло, бабки! Мне везет!

Я стою, дух перевозжу, а Петькино пальто из кождама мне на плечи рукава возложило, дескать, живешь ты хорошо, Ольга Ивановна, продолжай в том же духе, а вот Петьке моему передай, всё, что он ни делает через пень колоду.

– А ты почём знаешь? – спрашиваю.

– А кто я?

– Ну... кто в пальто.

– А в пальто кто? Никого.

Я руки сторожкой-то в рукава сунула: и впрямь пусто.

– Что, — говорю, — тогда выступаешь?

Он молчит, обиделся что ли?

Постояла я ещё, постояла, наконец, выйти решилась. Надо ж когда-то из своего убежища выбираться. Выползла я из могильника с грехом пополам, да как чихну. От всей души, что называется. Видите, бабки, в каких условиях приходится работать: мне молоко надо за вредность давать!

Выглянула на улицу – никого. Мышей со стола в варежку свою сунула (зачем взяла – не знаю) и шмыг в дверь. Теперь мне есть, чем заняться, «спасибо» бабе Вере!

На другой день вышла я из дома пораньше. Небо ясное, душа радуется – воздух на поселке свежий. Мороз-злыдень тут как тут, нос мне хрустальной прищепкой зажал, вся-то его забота: к людям приставать – не работать. Хотя как посмотреть, такие порой узоры на окнах нарисует – диву даёшься. В венцы деревья оденет – сказка. Я порой своему деду покойному начну что-нибудь доказывать: ну, там, на дворе трава, на траве дрова или сшит колпак да не по колпаковски, надо колпак переколпаковать, перевыколпаковать, а он мне всё своё: «Не верю. Где трава? Какой колпак?» Тогда я его

вывожу на улицу, кругом показываю и спрашиваю:

– А в это ты веришь?

Иду, значит, я по поселку, вдруг крики: возле магазина баба Вера голосит:

– Обокрали, по миру пустили!!!

Ну вот: началось представление. Баба Вера — артистка, но ДНД не проведешь!

Подхожу ближе, баба Вера кричит:

– В дом залезли, пока я за хлебом ходила.

Бабки ее обступили:

– Ах, бедная ты несчастная! Ах, бедная ты несчастная!!!

Жалеют аферистку:

– Ах, бедная ты несчастная!!!

Вот заладили.

ТЬфу, противно слушать, знали бы они, в чем дело, хорошо, что ДНД знает.

Подхожу я к бабе Вере:

– Что за шум, а драки нет? – спрашиваю.

– Обокрали меня, — баба Вера голосит, — весь дом вынесли.

– Ты факты давай, — я брови нахмурила.

– Утром за хлебом пошла: возвращаюсь — окошко разбито: в доме все вверх дном. Кинулась к шкафу — денег нет, и украшений нет, двенадцати серебряных ложек тоже нет — ничего нет.

– Что ж, подруга, помогу я твоему горю.

– Так я и поверила, — баба Вера только рукой махнула.

– Не сойти мне с этого места!

– Не смей.

– Пойдем, осмотрим место преступления.

Баба Вера слезу утирает:

– Ну, пойдем.

Вот пройдоха, так пройдоха! Вжилась в образ – и не раскусишь.

Двинулись мы к Веркиному дому: впереди Баба Вера, я в задочке, не вышла росточком.

Под разбитым окном действительно следы. Баба Вера нагнулась:

– Гля, колечко обронили.

Я про себя думаю: «Знаем мы, какое колечко!»

Входим в дом, а там – порядок: все вещи на своих местах, на полу чистота.

– Все вверх дном, говоришь, — я к бабе Вере обращаюсь, — когда ж ты убрать успела?

– Что ты меня не знаешь? Я бабка шустрая, — баба Вера отвечает.

– Ладно, — говорю, — принимается, а Жорик где был?

– На работе. Смена у него на электростанции.

– Понятно.

– Что тебе понятно!? — баба Вера рыдает.

– В процессе следствия, мне стало ясно, что обокрал тебя... Пашка Сазонов.

Баба Вера на меня глаза вытаращила: вот, я ее прищучила, так прищучила, что называется: наступила на хвост. Видно, не ожидала, что я так быстро ее раскушу.

– Что, подруга, на меня смотришь,— бабе Вере говорю, — пойдем к Пашке.

– Что я у него не видела?!

– Обыск устроим.

– А почему ты на Пашку думаешь?

– Факты сопоставила – вот и определила.

– Какие факты?

– Про тайну следствия слышала?

– Важная птица – ничего не скажешь, — баба Вера руки в бока уперла и смотрит на меня с насмешкой.

– Пойдем, хватит болтать.

– Терпеть не могу, когда нос задирают! – баба Вера фыркнула.

Двинулись мы к Пашкиному дому – толпа бабок. Идем, шумим, воровство обсуждаем. Такое событие у нас на поселке редкость: даже дверей никто кроме бабы Веры не запирает, потому что если украдешь, как воспользуешься: все друг у друга на виду?

Бывает правда морозы – старцы синеногие созорничают. Я раз выплеснула из окна кастрюлю с кипятком, а мороз под

окном сидел – курицу ошипывал. Встретила я его потом. Смех и грех – полголовы растаяло, рука растеклась. Ох, он мне мстил. Как увидит: идёт ко мне – одной рукой за горло ухватить норовит. Да где ему – я вёрткая. Совсем очумел invalid. Только и отделалась, что в погреб его столкнула и головешками закидала.

Идем мы, вот он – Пашка Сазонов с дружками своими: механиком Петькой Тимошкиным (маленький, шустрый) и трактористом Сашкой Кудрявым (этот крепкий да приземистый). Стоят, гогочут: анекдоты, что ли, рассказывают? Подошли ближе, а они над котом оболтусы смеются: с дерева его согнать хотят.

Вот дураки, других занятий нет.

- Давай дерево трясти, — Тимошкин кричит.
- Лучше кинем в него палку, — Пашка предлагает.
- Капец коту, — Кудрявый ржет.
- Он дальше полезет.
- Смотри, сейчас спрыгнет.
- А мы ему не дадим.

Я подскочила: — Оставьте кота в покое, изверги.

- Да мы шутим! – Кудрявый меня успокаивает.
- Отойдите от дерева! – я кричу.
- Нашлась защитница! – Пашка ухмыляется.
- А ты вообще молчи – преступник, — я на него кулаком.
- Это почему? – делает вид, что не понял.
- Идем к тебе – там доказательства!

– Какие доказательства? – Пашка сопли вытирает.

– Ложки серебряные, которые ты украл.

– Не крал я ничего.

– А утром кто к Верке залез.

– Да, я с утра на мехдворе был, в домино играл. Вот у ребят спроси.

– Да, да, играл, — Кудрявый с Тимошкиным головами закивали.

– Много он вам налил, чтоб вы подтвердили? – я глаз прищурила.

– Кого хочешь на мехдворе спроси, — Тимошкин ревет, — там народа много.

Вот те раз – получается у Пашки алиби. Я, что называется, по ложному следу шла. Как же я так в грязь лицом ударила! Надо было сто раз все перепроверить, все версии рассмотреть, а я самый легкий путь выбрала и довольна. Оболтусов дураками называю, а сама-то дурья башка. Какой позор! Теперь раскрыть воровство для ДНД дело чести.

– Что дальше? – баба Вера спрашивает.

– Погоди, надо подумать, — я лоб морщу.

– Обещала найти, — баба Вера улыбается.

– Во сколько ты обнаружила, что окно разбито? – я ее спрашиваю.

– В 8.50.

– Ты одна была?

– С Анной Сазоновой. Мы вместе хлеб покупали.

- А когда ты из дома ушла?
- Десять минут девятого с Жориком.
- Да, задача, — я лоб тру.
- Ну, думай, мы пошли.

Бабки к магазину двинулась, Тимошкин и Кудрявый за ними, последним Пашка уходил, говорит:

– У меня у самого беда: мыши сбежали научные, помнишь, я рассказывал.

– Да иди ты со своими мышами! — я ногой топнула.

Пашка только у виска пальцем покрутил и побежал своих дружков догонять.

Иду я уже одна, думаю: подставили меня – вот что я скажу! Кто подставил? Баба Вера. Понятно, что все ей организовано, она подстроила, чтобы я Пашку преступником объявила. Видно, слава ДНД ей покоя не дает, поэтому хочет меня и Чувилку на посмешище выставить. Но это у нее не выйдет. Не на тех нарвалась! ДНД – серьезная структура. За нами весь поселок стоит. Мы силы из народа черпаем. Сами посудите, добились бы мы таких результатов (каких результатов? о чем это я), если бы нас народ не поддерживал.

Иду я по поселку дальше, думаю: надо рассуждать логически: Пашка Сазонов отпадает, тогда кто? Может быть, случайное совпадение: настоящий вор действовал – тогда дело сложнее, или все-таки сама баба Вера свои сокровища умыкнула? То есть, конечно, не сама, Жорика (она с ним из до-

ма выходила) баба Вера в сообщники не возьмет: тот язык за зубами держать не умеет, и назад вернуться она по времени не успела бы: следовательно, был кто-то еще подготовленный. Надо место преступления внимательней осмотреть: есть у меня один человек на подозрении: след у него характерный: рядом с отпечатком ноги обязательно маленькое отверстие в снегу от протеза.

Помчалась я к дому бабы Веры коротким путем, в пять минут уложилась. Осторожно в калитку вхожу и под окошко: а следов там полным-полно, словно специально топтались – я хожу: изучаю. Долго хожу, а того чего надо – нет. Думаю, как бы баба Вера не нагрянула: она следствию помешает. Собралась уже уходить, и вдруг у самого забора увидела его – отверстие: теперь все на свои места стало!

Выдал себя култыхан, тут ему несподручно было следы замечать: через забор перелезал, вот и оставил роспись. Повезло мне, ничего не скажешь! Считай, поймала преступника. Но куда он сокровища дел? Вот в чем вопрос. И тут меня осенило: ведь это легко узнать можно. Баба Вера ни одного дня без своих богатств прожить не может: обязательно захочет полюбоваться украшениями, да в сотый раз денежки пересчитать. Следить за ней надо, она к сокровищам и приведет. До чего я умная, бабки! Слава ДНД!

Пришла я к себе домой, чай заварила, села пить с баранками, ночи жду, днем баба Вера не рискнет клад вскрыть,

да и мне отдохнуть от трудов праведных надо, сил накопить, чтобы зная ДНД высоко держать. Выпила чаю, потом в доме прибралась: туда-сюда, гляжу: за окном темно, что ж, пора за настоящее дело приниматься: свою службу нести, потому что кто же если не мы?

Вышла я на улицу: мать честная, деревья небесные звездами-то как усыпаны: ветви их до самой земли склоняются. Протянешь руку – сорвешь звезду.

Хочешь, звезду – антоновку, хочешь, штрифель, или красную звездочку – пепин. Съешь: в животе сразу покой, чудным голосом воспоешь, хоть и слуха нет. У нас то в этом году яблок не было. Как всегда в мае яблони распустились, а тут заморозок – помёрзли. У одной бабы Веры сохранились, потому что она всю ночь в саду костры жгла: дымом яблони спасала. Я у себя тоже хотела, потом плюнула, бабе Вере стала помогать – дрова таскать, сучья. Вместе веселей, да и у бабы Веры такой вид был, будто дети её погибают – спасать надо. Носилась она как угорелая:

– Больше, больше костров, — кричала.

Так всех завела, что люди потом ей большое спасибо сказали. Давно такого подъема душевного не испытывали. Великая радость – труд совместный!

Яблони не только у меня, но и на всем поселке помёрзли, зато у бабы Вера невиданный урожай! Всем поселком ходили смотреть – гордились. Баба Вера яблоки-то с яблонь никому не давала, но которые падали, позволяла брать. И скажу я

вам, бабки, никогда таких яблок вкусных не ела.

Так вот, подошла я к Веркиному дому. Лампочка только в комнате у Жорика горит: значит, правильно я рассчитала: баба Вера уже на свиданье с собственными денежками отправилась. Ясное дело: далеко их спрятать побоялось, из сарая лучик света пробивается. Это для меня знак, что я на правильном пути.

В сарай через щель заглядываю: так и есть: царь Кощей над золотом чахнет. Баба Вера в дальнем углу копается: слышу: со своими любимцами разговаривает: то голос немного повысит (строгость в нем звучит), то на елейный шёпот перейдет, а то причмокивать начнет, как будто воздушные поцелуи деньгам посылает. Смехота да и только! Деньги же — это просто бумага или металл, до чего надо дойти, чтобы их так любить! Вот я на деньги всегда плевала, зарабатывала и тратила, чего их хранить?

Отошла я от сарая и встала за бочку в саду: баба Вера минут через десять показалась: идет с керосинкой по тропинке, и все назад оглядывается: неуверенна: надежно ли ее сокровища спрятаны. Что за жизнь богатым: сплошная тревога! Но, конечно, приятно сознавать, что с помощью денег можешь горы свернуть!

Ушла баба Вера, я в сарай скорей шмыг: зажгла свечку: за мешком с картошкой пошарила и вытащила шкатулку: тяжеленькая, посмотреть бы что там, да времени нет: вдруг

Верка вернется: спокойной ночи своим денежкам пожелать. В общем, сделала я то, что планировала и дёру. Ох, завтра утром повеселюсь, так повеселюсь!

Дома я сразу спать легла, но долго не могла заснуть, бабки, гордость меня распирала: эх, дед мой помер: он бы за меня порадовался: как я следствие провела.

Дед-то меня любил, несколько лет за мной ухаживал, прежде чем мы поженились.

А было это вот так: сделал он мне предложение, а я ему в ответ толстую книгу дала – про что сама не знаю – не читала.

– Прочти, — говорю.

На другой день он приходит: — Ну что, выйдешь за меня замуж?

– Книгу прочёл?

– Да.

– Врёшь.

– Ну, почти прочел.

– Дочитай до конца.

– Ты что издеваешься надо мной, я сроду таких толстых книг в руках не держал.

– А эту прочти.

– Вот упёрлась, ладно прочту.

На другой день прибегает: весь сияет. Я в книге-то ближе к концу написала карандашиком: «Я согласна».

Утром проснулась я, позавтракала и на улицу, а там красотища: ночью пурга была: карнизы обмахнула, чехлы на деревья новые одела. Хорошо! Снега на ветвях столько, что и не знаешь: как он держится, кажется, закон земного притяженья ему не писан.

Я прутик нашла и начертала на снегу: «Дура». Буковки ровные, наклон соблюден. Красиво получается! Да какая же я дура!? Бабу Веру вокруг пальца обвела. Ха-ха!

Иду. Посёлок пробудился. Мать-царица, у нас голуби летают, да голубицы. Мне хоть дворец предложи, хоть лагерь – никуда с посёлка не поеду. Воздух у нас здесь какой! А на солнцепёк выйдешь – так волны по телу и прокатываются, словно стоишь голенькая, а сверху тебя из ковшика тёплой водичкой поливают.

Иду, вдруг вижу: баба Вера бежит. Платок набок съехал, губы сжаты, а ноздри как у рысака на скачках раздуваются.

- Куда торопишься, подруга? – спрашиваю.
- Убивать иду, — баба Вера зубами скрипит.
- Кого? — делаю я вид, что не понимаю.
- Пашку Сазонова.
- Чем же он провинился? – строю из себя дурочку.
- Богатства мои украл.
- Это не он. У него алиби.
- Какое алиби!? Попадись мне этот паскудник: на одну ногу стану, за другую дерну, и поминай, как звали.

– Подожди, подожди, — я от смеха давлюсь, — ты что свое расследование провела?

– Тут никакого расследования не нужно – мыши.

– Какие мыши?

– Мыши в банке: одна белая, другая серая – Пашкины.

– Знаю: научные.

– Я эту банку у себя в сарае нашла.

– Ну и что?

– А то, что мой клад пропал. А на его месте банка с мышами стоит.

Я не выдержала – засмеялась.

– Ты что? – баба Вера на меня подозрительно смотрит.

– Получается, он мышей забыл? — я себя в руки взяла.

– Выходит, что так.

– Повезло тебе, что преступника так легко нашла! – я за бабу Веру радуюсь.

– Всё: убью его и точка.

– Подожди. Можно один вопрос: а как сокровища твои в сарае оказались?

Баба Вера замялась, а потом говорит:

– Я спрятала, — и глаза вниз опустила.

– Михей туда отнес? – я спрашиваю.

– Михей, – баба Вера призналась.

– А говорила, что украли, — я головой покачала.

– Это я для людей, — баба Вера оправдывается, — чтобы думали: с меня взять нечего. А видишь, как все получи-

лось! – у бабы Веры слезы на глаза навернулись, думаю, ох, сейчас реву будет!

– Ладно, — говорю, — открою тебе тайну. Пашка здесь не причем.

Баба Вера на меня глаза вскинула:

– Как так!?

– Я твой клад перепрятала.

– А мыши?

– Тоже моя работа: на ложный след тебя хотела навести.

– Вот зараза!

– А ты как поступила?

Баба Вера шаг ко мне сделала и как схватит меня за грудки:

– Говори, где сокровища, а то удушю.

– Тише, тише, – я бабу Веру успокаиваю, — убьешь ненапроком – никогда не узнаешь.

Баба Вера хватку ослабила:

– Говори, вредительница.

– В сарае у другой стены. Под мешком с обувью.

Баба Вера меня освободила:

– Ну, если наврала! – кулак показывает.

– Людям-то что сказать? — я шарф поправляю.

– Ничего не говори, пусть думают, что я нищая.

– А будут спрашивать?

– Мы в клубе концерт устроим, они и забудут, — баба Вера нашлась.

– Ну, ты ловкачка! – я говорю.

– Учись у меня: подальше положишь, поближе возьмешь! – баба Вера мне подмигнула.

Черный Великан

На другой день проснулась я в двенадцать часов. Лежу на кровати, вставать лень: да и куда спешить: дело большое сделала: козни баба Веры разоблачила и кривду в поселке вывила. Теперь у нас покой и порядок. Хотя, что в этом хорошего? Заняться нечем!

Потягиваюсь я в постели, вдруг в окно стук: смотрю: Веркин хохотальник за стеклом маячит. Форточку открыла, слышу: баба Вера кричит:

– Вставай, подруга, пора на концерт, а то меня вопросами замучили.

– А кто ж выступать будет? — я спрашиваю.

– Увидишь, я все организовала.

Перекусила я наскоро, оделась, выхожу: баба Вера меня ждет:

– Я вот что придумала, подруга: концерт концертом, но мы еще должны средства собрать.

– Какие средства? — я не поняла.

– Для поиска Ленки, без средств какой поиск!?

– Правильно, — головой киваю.

Хорошо, что баба Вера согласилась, Ленку искать: а средства — пусть собирает, если без них не может, мне, например, для поисков никаких денег не нужно. Я для себя ищу: потому что не могу спать спокойно, когда человек пропал!

Пошли мы с бабой Верой к клубу, по дороге народ созываем:

– Пашка Сазонов – ну-ка с нами, организованно.

– Чувилка – ты вообще копилка.

– А Семен Авксентич – снял вчера проценты.

Семён Авксентьевич – это наш директор школы. Интересный мужчина, только очень сладкоречивый, как-то встретил меня и говорит:

– Знайте, Ольга Ивановна, вы для меня – грёза.

– Так уж и грёза!

– Абсолютно верно.

– Какая я тебе «грёза» – вон молодых-то сколько!

– Молодые все курлыкалки, а Вы женщина самостоятельная, можно сказать: мечта-женщина.

Вот как лебезит. Я уши развесила, а он продолжает:

– От такой женщины вечно аромат весны.

Врет ведь, а все равно приятно!

Пришли мы с бабой Верой в клуб, народ тоже подтягивается. У нас только повод дай: ведь как ни собрание – веселье. Пашка Сазонов полезет на сцену, да оступится – все в смех: «Гусь лапчатый!» Евдокия Ивановна захочет пирожок купить, да мелочь уронит – опять смешно: «Дуняша – растеряша», новую кофточку на ком заметят – хохочут: «Ирка – расфуфырка». А что смешного!?

Расселись мы, значит, ждем. Пашка Сазонов из-за кулис

выходит – баба Вера его концерт вести назначила, и объявляет:

– Барамберус.

– Что? – из зала кричат.

– Барамберус рокакану!

– Что? Что? – опять народ недоумевает.

– Не поняли? — Пашка улыбается, — вот и я ничего не понял, слушайте стихи!

На сцену Жорик выходит, пиджачок-то ему маловат, словно от долгов, и как бабе Вере не стыдно, давно пора сыну новый купить!

Жорик лицо проникновенное сделал, руку вперед протянул и говорит нараспев:

– Бияки карараби

Каписка парасест

Униба икояни

Васаби ждет рассвет!

Зал замер, было слышно, как поросенок Чувилки на улице хрюкнул – тишина стояла не меньше минуты, наконец, баба Вера спрашивает радостно-удивленным голосом (так с сумасшедшими разговаривают или с детьми):

– Про что это, Жора?

– Про поселок, — Жорик отвечает, — я хотел сказать, как его люблю, но слов подходящих не нашел! – и вздохнул, – Ленка бы нашла!

Фу, у меня от сердца отлегло. Значит, Жорик не сбрендил:

объяснение разумное дал! Но если Ленку не найдем, хана парню будет, тут и к гадалке не ходи!

Жорик ушел за кулисы, снова Пашка появляется:

– Слушали побаски – теперь смотрим пляски.

Ансамбль школьный выходит. Молодежь у нас танцевать умеет, ребята такие коленца выкидывают, что диву даешься! То на лету кончиков сапог руками коснуться, то в присядку пойдут да с ноги на ногу, кажется, что воробушки скачут, то каждый колесом по сцене катается!

Ушли танцоры, Пашка Сазонов объявляет:

– А теперь хор молодух – от шестидесяти, до восьмидесяти двух.

А, вот вы, бабки где! А я думаю, что-то вас не видно. Сарафаны надели, щеки нарумянили: красавицы, да и только! Я тоже так хочу, петь, правда, не смогу, слуха нет, но хотя бы просто на сцене постоять: рот открывая.

Бабки запели: — Поселок прекрасный, как песня,

Лежит среди снежных полей

Нет большего счастья, чем жить здесь!

Нет Родины нашей милей!

Волшебно снежинки искрятся,

И видим на улице мы:

Божественные декорации

В великой пьесе Зимы!

— Молодцы, — я кричу.

Чувилка захлопала.

А Семен Авксеньевич встал и крикнул: — Браво!

Хор со сцены ушел. Пашка дальше концерт ведет:

— Мы слушаем немножко, как играют на гармошке!

Дед Михей выступить решился: из дома баян приволок: хорошо хоть не балалайку. Поставил ему Пашка стул: Михей сел и заиграл, да так здорово! И когда только култыхан научился? Слезу у меня выжал потому, как мизинчиком нотку жалостливую подпускал, а я бабка чувствительная: чужая беда для меня как своя. Но то в жизни, а тут игра на баяне: не думала, что музыка на меня так действует!

Закончил дед Михей играть, баба Вера на сцену вышла:

— Вы все знаете, что Ленка пропала! Месяц уже о ней ни слуха ни духа. Куда делась, не знаю? Некоторые ее до сих пор ищут, — баба Вера на меня выразительно посмотрела, — но пока у них ничего не получается, и не получится, — баба Вера голос повысила, — потому что для поиска средства нужны — без средств неудача!

— Давай соберем.

— Мы не против.

— Лишь бы Ленка нашлась!

— Вот и правильно, — баба Вера довольна, — Пашка, давай коробку.

Пашка Сазонов коробку из-под обуви принес и пошел по рядам: кто монетку в коробку кладет, а кто рубль бумаж-

ный, Дед Михей медяк бросил:

— Вспоможение на поиск чада, — шепчет, — не пропади все.

Я у себя по карманам пошарила — мне и положить нечего: разве что конфетку — барбарис в зеленой обертке. У нас на поселке никто больше таких не любит, а я килограммами покупаю, для поддержания сил и получения удовольствия!

Зажала я конфетку в кулак и положила в коробку: в конце концов, у каждого свой вклад — я делом помогаю: кто Ленку ищет, времени своего не жалеет? Я. А эти средства еще неизвестно на что пойдут! Чего доброго баба Вера потратит их нецелевым образом — и попробуй, с неё спроси.

Собрал Пашка средства и ушел за кулисы. Баба Вера речь продолжает:

— Я Ленку любила. Побрешем иногда с ней, но с кем не бывает!? Молодежь всему учить надо! Домашнее хозяйство вести не умеют и, что еще хуже, не хотят: я Ленке говорила: не будь спиногрызкой. Она обижалась, а зря! Ведь отношение к ней было как к дочери: с утра каши-малаши сварю. Наворачивай — душа мера.

Жорик рядом со мной проворчал:

— Ленке утром стакана чая хватало.

Баба Вера: — А каша у меня с маслом. Я в неё изюм добавляю, сама бы всю кастрюлю съела — но Ленку откармливать, а то худая как щепка: чуть не с ложкой за ней хожу, как за дитём малым.

Жорик опять ворчит:

– Ленка говорила, лучший завтрак – это умывание.

Видно, что любит жену, а искать не ищет, но с другой стороны, что с дурня толку: а образовывать его долго: он мне картошку из нескольких сращенных клубней напоминает, такую в суп чистить лишний труд.

Баба Вера еще на сцене была, когда Пашка Сазонов опять появился: вышел из-за кулис: лица на нем нет, бледный как смерть. Я таким его никогда не видела, обычно он даже слишком спокойный. Придешь к нему: на диване лежит в потолок смотрит, и что туда смотреть: сплошные разводы.

Я Пашке говорю:

– Стиральную машинку починить сможешь?

– Починить не интересно. Давай из нее дробилку сделаем.

Будет вещи мельчить.

– Это зачем?

– От ненужного избавишься.

– У меня все нужное.

– Препятствуешь, бабушка, конструкторской мысли.

– Ты потолок себе лучше побели! – я ему отвечаю.

Так вот. Вышел Пашка на сцену. В глазах ужас, руки дрожат. Что такое?

– Средства, — говорит.

– Что средства?

– Отняли.

– Кто отнял?

– Не знаю, кто-то огромный, выше меня на две головы.

– Ты лицо запомнил? – баба Вера кричит.

– Нет, он капюшон на глаза надвинул.

– Капюшон?

– Он в черном балахоне был.

– Что же ты не сопротивлялся?

– У меня от страха ноги подкосились.

– А куда грабитель делся? – я спрашиваю.

– Исчез.

– Ах ты, сукин сын, ах, ты подонок, доверилась отребью.

Да я у тебя, хорек, кол на голове затешу, — баба Вера с кулаками на Пашку набросилась.

Тот лицо защищает и к лестнице пятится.

– Ну, держись, гад! — баба Вера из себя вышла.

– Ай, — Пашка бочком по лестнице спускается, — ай.

– Такие деньги потерял, тварь! – баба Вера норовит Пашку по голове ударить.

– Пожалейте, Вераанна, пожалейте, Вераанна, — Пашка твердит.

С лестницы скатился и наутек: только этим и спасся.

– Догоню, убью! – баба Вера ему вслед кричит.

– Пожалейте, Вераанна!

– О-хо-хо! – баба Вера в слезы, — ободрали как липку.

Смотрю, я как баба Вера убивается, и думаю, Верка-то

в этот раз, кажись, не причем. Настоящий бандит на поселке появился – Черный Великан. Возможно, это он Ленку похитил. Что ж, это версия!

Интересно, а Черный Великан следы оставляет? – у меня вопрос возник. Пашка, говорит: исчез, но что это значит, не мог же он в воздухе раствориться, может быть, просто через черный ход сбежал: вот тут и надо разобраться. Страшно, конечно, за это дело браться: Великан-то, если захочет, меня на одну ладонь положит, а другой прихлопнет, но, как говорится, тело пух, да силен дух!

Вышла я из клуба и к черному ходу: смотрю и вправду рядом с ним большие следы: хотя как большие, размер сорок шестой, сорок седьмой: по великанским меркам это не великан, а так себе: мелочь пузатая, бояться особенно нечего!

Осмелела я и пошла по следам: сорок шестой размер среди всех следов выделяется. Единственное, что меня смущало, что какой-то еще след к великанскому привязался: все время рядом идет, другие следы в сторону уходят, а этот всегда поблизости: подозрительный следок! Но не Пашкин, Пашка к себе побежал: я видела.

Следы на главную улицу вышли: едва их не потеряла, но к счастью, Великан на тропинке у котельной отметился: главное смотреть внимательно.

Поблуждали следы по поселку и к мехмастерским повели. Я туда: (ворота не закрыты: одна створка с петель соско-

чила) внутри трактора разобранные, а вокруг них запчасти лежат и ветошь использованная, пол в пятнах, маслом пахнет.

Люди работают, я хожу, приглядываюсь. Где же этот проклятый Великан? Вроде, все наши ребята — поселковые, только чумазые как черти: не сразу узнаешь.

— Ты что, бабка, тут крутишься? — вдруг меня Сашка Кудрявый спрашивает: я ему на пути попалась: он здоровую шестерню тащил (и как только поднять ее смог: вот силач)?

— Сюда великан не заходил? — я ему в ответ.

— А какой он? — Сашка шестерню положил.

— Огромный.

— У нас Андрюшка Жулдыбин самый высокий, да и то он: метр восемьдесят.

— Что старушке нужно? — Петька Тимошкин подскочил, руки о тряпку вытирает.

— Великаном каким-то бредит.

— Великанов видно издалека, а великих порой не разглядишь и в упор, — Петька улыбается, на себя пострел намекает: сам-то он не высокий.

— Отвечайте: был Великан? — я злюсь.

— Ты что, бабка, белины объелась?

— Где вы его прячете?

— Точняк: сбрендил бабуса, — Петька нижнюю губу выпятил.

— У меня сведенья точные — я не отступлю.

– А ну ее, — Сашка рукою махнул, — давай работать.

– У начальника спроси, Пал Палыч в кабинете, — Петька мне посоветовал.

Поднялась я по лесенке на второй этаж – там контора: два стола помещаются. Пал Палыч за одним сидит: карандаш точит. Сам на карандаш похож: худой, а нос длинный да острый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.